

ЧОКАРЕВА ТАИСИЯ МИХАЙЛОВНА (1918 г.р.).

- Ниче, не бойся, не бойся — говорит ей соседка, бывшая учительница начальных классов Барышева Нина Михайловна.

- Да я че буду бояться.

- С какого года вы?

- С 18-го

- А как вас звать полностью?

- Тайсия Михайловна

- Фамилия?

- Чокарева

- Расскажите нам, что вы знаете об острове?

- Ну вот остров, этот ... Назинский.

- Да-да.

- Мы каждый год весной езде весновать ёдем. полбери сривать. А потом дома мы задержались, приехали в Назино. Говорят: ой столь народу привезли. Столь привезли народу...

- А на чём привезли народ?

- Ну, на барже.

- Одна была баржа?

— Да черт его знает. Сколько было? Да 13 тысяч было. Народу-то столько Бечером "у-лу-лу-но" только и слышать. Больше ниче и не поймешь, столь народу привезено было. Ну и как теперь? Работа наша вся пропала. Поехали теперь это ... в Назину, а они там на берегу мирия выграли, всю эту, а народ под открытым небом там высадили их, все и он там это...

- И сколько времени они там были?

- Они, наверное, если весной их так завезли. В Назинскую речку потом дом-то Меньшикова-то...

- А в каком году это было?

- Вот, в 31-м, или в 33-м году.

- Эти годы?

- Эти годы. Это я помню хорошо уже. Ну и привезли когда их, мы... в деревню попасть нельзя... народу столь... Бегут, бегут: железная дорога где? Мы сроду ее не знаем. Какая железная дорога?

- Это они спрашивали?

- Ага. Спрашивали. Где Москва?, где Ленинград? А мы ниче не знаем. Да же первый раз слышали. Остяки, остыки живут и первый раз слышат (Смыется). Ну что же это?.. Ну и теперь это... Бегут люди.., голодные, есть нечего. Стакан или кружку муки насыпят им, заболтушку сделают,

люди выпьют, съедят и сразу понос. Ой, че только творилось! Люди умирали голодные. Люди резали друг друга. На острову этом конвойр молодой парень был...

-Фамилию не помните?

-Как это его...

-Ну ладно, потом.

-А он взял это к девчонке одной. Такая девчонка хорошая. И он все караулил ее. Приедет и охраняет эту девчонку.

-На острове?

-На острову. А потом ведумал поехать помыться, товарищу наказал... А ее привязали к тополине, груди отрезали, все-все, икры отрезали, все-все...

-Скажите, а для чего резали?

-Исть надо. Исть надо. Они голодные, люди. А муку стоко навезли, мука на берегу стоит, никто ничего. Кто стряпал, ни стряпал, не знаю, Бог его знает. А знаю, что они голодные были. Вот теперь это, в Брганкине конвойра поставили семьями. Две семьи их было. И вот сюляют. Как кого поймают, так в лодку. Конвой увозит. Ну как увозит? Перевезут через реку и вот исток идет ниже старого Назина ... Ну и это, они их перевезут и расстреляют там же и по течению спускникали. Ну, спустят, они падают, че там, Бог знает, раздевали их или кого ли че делали это, летом покос время, все высохло, а это Тверякин жил, он этим продавцом был, Иринка Машкина (Ирина Романовна Машкина, 1918 г.р.), а Тверетин (Петр Алексеевич) то говорит: Ну ваниша, ваниша. Ирина с жин, у них прислугой жила на квартире. У Тверякина. Она че-то пойдет, руки помоет, спать к этим покойникам. А оказывается они вытаскивали эти золотые зубы, вот эти золотые зубы они вытаскивали...

-А кто вытаскивал золотые зубы?

-Эти Тверетинские, теперь они оба умерли.

-Охранники?

-Нет, не охранники, жители. Продавцом был.

-Фамилию не помните?

-Тверякин Петр Алексеевич. Ну а теперь это... А потом -то кзк она. Я говорю: ну че делаешь? "Ой, как тебе рассказать?" Я говорю: "А че?" "А мы -говорит- хозяин заставляет зубы вытаскивать. Торгсии в Александрово был, там уже не стали принимать видно, это золото, а Тверетин был, этим как это? он принимал пушину. Ага, ну и взял он это золото, отправили в Томск, в Томск отправили, а Иринка видно ничего не дали, али как и она эта Иринка мне все это рассказала. Она сейчас живет в Томске.

- Как ее фамилия?
- Машкина Ирина Романовна, сестра у нее тут живет.
- Адрес не знаете, где она живет?
- Не знаю.
- А где работает?
- А вот Машкиных надо спросить.
- А с какого она года?
- Она в наших летах, может лет 13 было.
- В то время?
- Ага, в то время. Мы вместе с ней играли. Телерь это... Понимаю, невода весить, ну рабаки-стюки это там, невода весят, а мы под неводы залезем и тиркаки, а мать потом дома на нас: "Бегаете тут, коситесь. Посмотрите, че в деревне делается. Миниплонер, или, как его, конвойр, жену убили и сам себя убил."
- А фамилия его как?
- А кто его знает? Присажие. Ну или только у дедушки нашего. Ну че, мы испугались. А тот конвойр, он к себе таскал, этот конвойр, видимо, отобрал, сундуки набыли. Мы звали... а ранние лягушки всякие кружевные вязали. Ну и вот... Узорчик там Агафья там у них был. Мы звали когда, она лежит на диване вот так. - Девчонки, а у меня сегодня жена на родину собирается, а нам какое дело, там родина или почем знаем. Ну и один это, мы когда пошли играть под яр... Вот видно, когда он ее был, индальца на нее, все стены в крови были. И она как лежала, видно, в это время он застрелил ее и сам себя, а народ то он возил, вот пересезет через реку...
- Туда возил?
- Да, да что поймант, не оттуда, а здесь снизу деревни. Ергакина. Он их туда пересезет и видно заставил скакать в воду или как, расстреливал их. И чтоб ему не попадло, он расстреливал их. Ну он чувствовал, что попадет ему. Ну а эти, кто не занимался этим делом ..., так это...
- Скажите, а вы были на острове?
- Вот, когда не стало там людей.
- И где лесину несет, где че ли там, человек. Они бежали. А как некоторые осенью, видели мы, вот в барку большую
- Их увозили с острова?
- Увезли их всех. Вот в Назинскую речку увезли всех, мужиков.
- А много было там их же?
- А черт их знает. Знаю, что землянки... Все жители знают, какие землянки были понарыты.
- По Назинской речке?
- По Назинской...

- Вот этот Меньшиков этот, это клуб был. Оттуда вывезли из Назинской речки. Потом мужиков осенью вывезли. А как это я узнаю потом. А дядя Кондратий -то заехал, сне, а я зашла туда. Да, узнали бы в Америке - говорит она (приезжая) - а на ней полушубок, ватный брюки, шапки, где я находусь. А их из деревни в деревню везли, здесь то самолеты не летали в то время. И вот нарочный везет их, например, в Назино, там на Бартовское, в Амбару. Люди-то ...

- Там много погибло?

- Много. Когда мы полбери делали... Это тополиная кора на поплавки. Мы делали и сдавали. Приезжали из Томска, из Новосибирска народ ехал. Был зароботок в то время. А больше здесь нечего было жить. Ну и когда их вывезли, ходили мы тогда. А тетка родная рассказывала: муж с женой с женой, видно, были, все хорошее из вещей повесили на сучки, внизу - хромовые сапоги, ее туфли, под голова так поставили, так обнялись, так и с голоду умерли. Ой там много-много делалось всякой всячины.

- А когда вы первый раз пришли на остров, там были трупы или кости?

- Там ямы были и полно черепов валялось. Там в конце-то сейчас остров смыло рекой. Там все замыло водой. На мысу их много было, ямы копали и их туда.

- В гробах?

- Какие гробы там делать было? Так кто сумеет и туда бросали... Теперь бабушка Федосья Киснерова, Егора мать (теща) Ну и его, шел, говорит мужик: Дайте поесть чего-нибудь... А у него целая горсти зубов изъятаскивал, ага, золотые зубы эти были. А сне: "Наш хлеб, иди-иди, нам покойника не надо, это чьи зубы-то?" Ну она взяла и выгнала его. Так сколь там!.. Ой, ужас это! Теперь привезут это в Ерганкину, наши поехали снимать, запорщик стоял у них, и вот бутылки с молоком давай... Ну и есть дорогой... Ну бутылки эти оставили там, а сне трое, видно, туда пришли, и сломали бутылку, один совсем бессильный был... и взяли горлышко перерезали, а рыбаки приехали удить или неволить у запора, а сне жарят этого мужика, едят. Голодные, есть нечего. И вот... Ой, че только было!.. Господи! И вот после этого так всех развезли и этих мужиков сразу, в деревню рыбаки поехали, поневодили, в деревню их привезли и к конвойру. А он их стрелял, перевозит и застрелил. Ой, сколь муки на берегу у них было, не знаю, че они так с этой мукой делали!

- Пропадала она?

- Конечно, конечно. Кто там стряпал что-ли? Никаких условий. Какие там условия? А какие песни сне сложили там! Как же. Ой, не помню, 71 год.

- Ну какие-нибудь слова из песни вспомните.
- Фотографируете что-ли. А Бог с ней, скоро все равно помру.
- Расскажите нам, Таисия Михайловна об острове. (На другой строне пленки).

Сна рассказывает, что она с родственниками поехали на остров драть кору, так они всегда делали. Кору готовили для изготовления поплавков. И на этот раз они взяли с собой пищу и собирались покинуть там. Но когда подъехали к Назину, то увидели очень много народа, который высадили на остров. Они побоялись, что их убьют и не поехали кору драть. Еще она рассказывает, что на берегу было много муки, которую привезли кормить народ, но ничего не было более, и муку не ели, а выдавали по кружке. Народ голодовал, бекал кто мог (на бревнах, корягах). Их ловили, стреляли. На острове было лицоедство. Рассказывает про какого-то конвоира, которому видимо приглянулась девушка, он хотел замуж ее взять. Как-то поехал помыть переодеться, а товарищу наказал "за ней поглядывать"...

- А девушка была с острова?
- На острову там она и жила с ими...
- А красивая была?
- Ну, наверное, красивая была, я почем знаю, видит, что хорошая девчонка. Он все охранял ее. И товарищу наказал: "Вы за ней поглядывайте", а он что, столь народу... там случай, тут случай всякий, он, это, пока уходил, ее привязали, руки назад, к тополине, и груди отрезали ей, мускулы, где можно есть...
- Для чего обрезали?
- Есть, есть. Есть мясо.
- А, есть мясо.
- Есть, они голодные люди были. Всегда отрезали, а когда парень-то приехал, а она еще жива была. И тут же умерла. Тут же умерла. И вот Парни не повезло. Это вот такие были зверства.
- Да-да, мясо, Едешь мимо, мясо в тряпках висит. Мясо висит. А это говорит, человечье мясо резали и привязывали.
- А вот еще случай был.... Бегут они, бегут теперь, а это, его звали Фома Петрович, парни-то, ну вот у одних... (Конец пленки).

Далее она рассказывает, что только на следующую весну люди ездили на остров. А людей (остатки) увезли осенью. Там на острове были нары, полные голых костей. Она не знает, сами ли они умирали, или их расстреливали. Находили и трупы, рассказывает о двух обнажшихся (смотря ранее), от них шел запах, вонь. Потом рассказывает о враче

Якиме Ивановиче "полный мужчина, про него говорили на острове: "Вот кого бы съесть - жирного такого! Его тоже взяли как врага народа".
— А вот еще случай. Как там мальчишка там что-то делал. 15- летний, расскажите об этом.

— Это в Ирганкине было. А там конвой привезли, охраняли, чтоб в деревне не напакостили эти. Ну наберут там этих, посадят в лодку, увезут. А этот конвой ездил с Василием Пяткиным, он осужденный раненый был, а потом жил тут в Назина и в Ерганкине и они через реку перевезут и расстреляют, и че тут не так далеко, 12 км, нук вагребись, а нет и назад приедут, а оказывается они расстреливали, в воду скидывали, чтобы им не ездить, не мучиться, а когда вода уже, покос-то стал, сено косить, Ирина Машкина ездила с Тверетинскими на покос. И вот че они руки моют? Я нос замшу, свой солянкий нос, думаю: че они это. Я стою, это, Господи, думаю: че она там, надо пойти, а они это, возьмут руки помоют, опять побегут, ну воиница, люди че разложились, какой-то месяц они наверху еще лежат. И вот набрали бубы, и эти зубы...

— Золотые...

— золотые, и их, когда Тверетин, он в СИБушнике работал, пушину принимал, а Баталов был начальником, он ездил, видно, пушину принимал. И вот они договорились, что золото надо сдать, а Торгсин убрали с Александровска в Томск.

— А что он делал!

— Кто?

— Торгсин?

— Торгсин — золото принимали. Ну у кого есть золото, значит, сдавай. Ну там хорошие тряпки, там всякие макароны, всякую-всякую съедобиц всякчину. А когда убрали Торгсина в Томск, а Баталов видно знал, что туда эти зубы сдали. Ирина так рассказывала: сдали ему и вон их у в Томск. А Ирину-то обидели, видно сами себе, а ей плохо (заплати)

— А вот вы помните, как кто-то там шомполами убивал.

— А это когда конвой привезли с семьями, тот с семьей, этот с семьей. Ну нанимают этих и ... увезти, пока они уже везут их, заставляли: петь всякую матершину. Хлеб кусочек бросают, они опять че съедят, а есть — то охота, опять чени-будь поют, ну и раз я шла... это... заставил он-то бить шомпал...

— Шомпалом от ружья.

— Да-да.

— А кто был шомпалом?

— Да вот этот парень.

- А сколько лет ему было?
- Ну лет 15.
- Они почему заставляли его бить?
- Да кто его знает почему.
- Заставляли, чтоб не самим это делать?
- Да Бог его знает, я знаю, что он был и это я видела, был, шомпол изогнется весь, так еще молоток дадут выпрямить и опять бить...
- Ведь человека, не че-нибудь, а?... Ой!
- Люди потом умирали?
- Ну кто их знает. Она сразу садят, увезут их.
- Вот так вот издевались.
- Да, издевались.
- И вот он этот, видно уже многих людей... наверное народ стал искаль ли? это все разыскивать, а он взял жену убил и сам себя застрелил.
- Это который издевался?
- Вот этот, который стрелял, возил, ага, он жену убил, и сам себя убил.
- Тот милиционер.
- Вот-вот, милиционер.
- И себя и жену убил. Видимо, кара настигла его.
- Ну, наверно. От нас был третий дом, там они жили муж с женой.
- В каком году было, когда он жену и себя убил?
- Ну, как это на остров привезли. Вот это лето.
- В это же лето.
- В это же лето и было. Вот эти истории всякие были. Ой, Господи.
- А вот когда вы болбери делали на острове, вы видели кости?
- Там полно, полно. Тогда же трава стоит. Запнешься - о, Господи, аж шкуру дерет, это запнешься, упадешь, а там кости, скелеты,, эти черепа лежат, валяются. Вот то место уже срыло с того края (водой), а сюда низина была.
- Но там они по всему острову...
- Ну а как же. По всему острову. Где-то же надо притулиться, там сено насыпют или траву, эти палки наставят там маленько, хоть туда и прячутся. Ведь под открытым небом, ничего не было. Ничего не было.
- А там лес был?
- Лес, вот. Лес непроходимый, тополи вот такие толстые. Там из Томска приезжали, из Новосибирска люди приезжали, заработка такой был, вот они хорошо зарабатывали. А потом после этого и не приезжали те мужики.
- Как потом с острова этих людей вывезли?
- Ну так вывезли, так вот мы не знаем, когда еще? осенки...

- Это не осенью, просто перед заморозками. Как они их везли? Только я знаю, что вот это на барже, как это, неводник, раньше это неводили на стрежь неводом, вот так полно насыли, и вот это бечевой тащиться берегом. И так вверх и прошли по реке. А куда везли их?..
- Ну туда по Назинской речке, вверх, что-ли?
- Бог их знает. Я не видела куда. Ну их, говорят, увезли, это женщина рассказывала, что сама...
- Мало их осталось?
- Тут все почти что номерли.
- То, что осталось, то увезли.
- Вот тех, наверное, увезли. Только одна женщина приезжала, сын ее здесь, на острову, разыскивала.
- А женщина откуда она?
- Из Москвы она была. Из Москвы была эта женщина.
- Значит сына ее из Москвы забрали?
- Оттуда забрали и вот, ему наверное нет 15 или 16...
- Скажите, а приезжала какая комиссия разбираться?
- Никто, Господи.
- Раз женщина приезжала из Москвы, она могла рассказать, что вот мол в Томске народ собрали и свезли на остров.
- Вот эта та женщина должна только рассказать. Зимой она ехала-то. Если бы она не заговорила, я бы откуда знала какой народ, по чем сосланный туда. Она говорит, если бы...
- Она сына не нашла?
- Нет, это женщина одна, два мужика везли эту женщину... молодая, высокая такая, вот в ватных брюках, в белом полушубке, в шапке, просто разодета...
- Она не сына искать, это другая женщина ездила. Другая ездила. А эта, она теперь говорит, что знали бы в Америке, где я нахожусь, говорит, откуда ее забрали, Бог ее знает. А вот картишки у них на стенах, у дяди Кондрата был Иван Кронштадтский или как, вот эту картинку сняли, разглядывали, разглядывали, потом она стала рассказывать про остров этот. Вот это как нас завезли и так увезли, что никто наши не знает. Знают или нет в Америке. Токо мне домой сехать и вот все.
- Кто вот из местных жителей может это подтвердить? Пынчина Мария или еще кто.
- Пынчина Мария она в то время не жила. Она это тоже не видела. Она в Назиной жила. А мы в деревне. Вот моя сестра...
- Агафья?
- Она, она видела

- Она, она видела, как куски кидали этому... мы с ней бегали. И вот это всяк всячину поют...
- Вот хант, его фамилия Алексей...
- Это Богулькин
- Он тоже может подтвердить?
- Ну, он тоже. Господи. Они в Криволукье там по всему, везде народ бегали...
- И Чигаскина может подтвердить?
- И Лиза Чигаскина тоже, эта жила в Назина, ой, какой Назино, в Ерганкине, у них там недалеко от нас дом, мы все играть-то бегали.
- А еще кто может подтвердить?
- Ну еще, ну все Назина, Господи, все видели это. Мария - Тарасика Вот Сигельетов.
- Сигельетов?
- Он тоже помнит это.
- Тарас Сигельетов (Сегельетов?)
- Не Тарас, а этот Сашка, жил тогда с ней... Мария Панова.
- Однажды эти с острова, голодные, качаются от голода напали на нашу корову, большая была корова, ну народ заругался, они отпустили и убежали.
- Это кто?
- Ну эти с острова, они же бегали и в Ерганкина пришли, голодные, есть нечего. Мы говорим им, что лучше хлеба дадим, дали им хлеба. Потом женщины были, отпросили их, отпустите, мы их покормим. Вот привели их домой, молоко было, хлеба, накормили их. И они тут недалече (малиционеры?)... тут рядом, два дома. Он говорит, вы их не пускайте, кормить можете их. И вот дадим хлеба, простакиши, молока ли. А потом назад к им уведем. А куда они этих людей девали, Бог знает. То ли может расстреляли, то ли куда, может в Назино увезли назад, Господи! Изувечательство настоящее.
- А вот никакого не встречали, не слышали, не остался ли кто с острова осел ли здесь?
- Не-е. Тут их всех, всех. Всех подмели. Ну кто. Потом-то, наверно их хлеб пекли или нет, Бог знает, а че мы жили в Ерганкино, сме в Назино, а берег заваленный был мукою. Столь муки, а они как давали: кружечку муки зачерпнут...
- А мука находилась на острове?
- Нет, здесь на берегу. На берегу в Назина, там, ни здесь, а там, на той стороне была Назина
- Старое Назина?
- Старое Назина, там мука находилась.
- И отвозили муку туда, на остров?

- Черт его знает, не знаю. Знаю, что берег был заваленный мукой. А так, Бог знает, какой народ был, мы же не знали, боялись их, а так вот пока их забирали сколько надо для два-три держали, мы им муку есть таскали.
- Вы не могли бы с нами на теплоходе на остров поехать?
- Дак куда, я ходить не могу. Да сейчас все-все... Ой да... Вот только этого Сигельетова взять надо, он охотником вот по речке...
- По Назинской?
- По Назинской. Он видел, он знает эти землянки.
- Он видел их?
- Так спал же. Тут вся деревня видела, знала эти землянки понарытые.
- И что он там видел?
- Черепи, кости видел, валялись. Сие как и мост через речку делали раньше и... так и люди все эти погинули. Не знаю, кто живой, может тех последних, мужики все-таки сие сильней были. Мужиков (кулаки?) это сразу увезли... эти не бежали, наверное из-за того, которые сохранились, ну так они сразу здесь на строительство. Дома строили, избушки военные...
- Тансия Михайловна, а Чокарева Агафья это ваша сестра?
- Сестра родная моя, ага.
- Она тоже была свидетелем?
- Ну, а как ни? Вся деревня. Да, теперь она и старше меня, дак это теперь, никак только мы и остались, а остальные никого нету, все...
- Скажите, а в 37-м году кого забирали?
- В 37-м я уже вышла замуж в марте. И вот в это лето как раз весной в марте вышли, а летом там это... у... вот Барышев Михаил, вот Сергей сегодня приходил, так его дядя забрали, потом эту... память то, Господи Боже мой, Прокопий Андреевич. Вот его забрали. Потом Иданова. Это приехали, забрали - раз увезли и все. Как врагов народа.
- И не вернулись?
- Так и не вернулись все-все... мертвые.
- А еще кого-нибудь вспомните?
- Там жила в Амбарах, вот три мужика забрали...
- Это где было?
- Амбары. Вот недалеко отсюда, сколь?.. 35 км.
- Амбара?
- Амбара. Деревня. Ага. Тут наверное по Оби 35 км. А с нашей деревни
- дядя нашего забрали.
- Как его звали?
- Чокарев Кондрат Конфилович. Три брата, моего отца-то не трогали. И дядей этих двух не трогали, а его как увезли, куда увезли? А

Петлина - старика с Назина забрали, да и его увезли. А еще анекдоты такие рассказывал, он-то не думал, что его посадят. И вот...

- Так и не вернулись никто?

- А из Александрова, говорят, председателя р-исполкома или кого ли забрали, как же фамилия? - вот не помню я, как враги народа, ага.

- В 37-ом?

- Это в 37-ом.

- А вот скажите, на остров еще привозили людей или нет.

- Нет, больше не было.

- Только один раз?

- Да. А так спецпереселенцы по Оби везде, и на Лукавкино, и на 18 партъезде. Там был поселок, тоже заброшен теперь, туда тоже много людей привозили, везде-везде.

- Так, Таисия Михайловна, я наверно закончу из этого, хватит.

- Ну хватит конечно.

- Спасибо вам большое за все... То, что вы рассказали, представляет большую ценность для нашего мемориала, в музей отдадим, в книгу все запишем, все-все. Это будет сохранено все.

- Вот посмотри-ка, это где-то в книжке меня напишут, что девчонкой была тогда...

- Вы не против этого?

- Да, Господи, а че я всегда, я думала Томске еще зять меня спрашивал, зять мой, а я не стала рассказывать...

- Но вы не против?

- Не против, не против. Господи, пусть кто будет читать, хоть вспомине когда...